

— Володя, мне надо с тобой серьёзно поговорить... Я встретила другого мужчину, которого полюбила. Детям он тоже нравится.

— Ты уже и детей с ним познакомила?

— А что ты хочешь? — вдруг срывается на крик Ирина. — Ты двадцать лет никого и ничего вокруг себя не видишь. Тебя волнуют только эти твои чёртовы таверны...

— Каверны... — вставил Владимир.

— Одна фигня! Этот твой Морозов на своих кавернах свихнулся. В психушку попал, теперь ты тоже на грани сумасшествия. Что мы от твоих исследований имеем? Мне стыдно, что я вынуждена одеваться в секунде. Коллеги ахают и охают по поводу моих нарядов, хотя, безусловно, подозревают, где они куплены. Ты двадцать лет в своём НИИКРИОГИПРОстрое копейки получаешь. Когда всё рухнуло, умные люди оттуда сразу смотались и устроились, а ты...

— Смотались на рынок торговать да челночить.

— Да, челночить. И что? Вон посмотри, как они теперь живут. Свои магазины открыли, по два раза в год на курорты семьями

ездят. Где и когда мы с тобой за все эти годы бывали? У твоей мамы в деревне? Ты все эти годы продолжаешь нас кормить обещаниями: «Вот я закончу свои работы, сделаю открытие, мы в золоте будем купаться!» — ехидно подражая голосу Владимира, высказалась Ирина. — И где это твоё открытие? Ты даже докторскую так и не смог написать! А туда же — открытие.

— Я не хочу тратить время на написание никому не нужной диссертации, — запальчиво возразил Владимир.

— Время он впустую не хочет тратить, а впустую просиживать над своими каракулями он хочет. Где результат этих сидений? Курица хоть цыплят высидивает, а ты что высидел за все эти годы? Геморрой? Короче, я устала, я хочу жить, как все нормальные люди. Не пахать с утра до ночи, чтобы прокормить семью и возомнившего себя великим учёным мужа, а работать только для удовольствия, отдыхать и прилично одеваться. Ты мне за двадцать с лишним лет этого обеспечить не смог. Поэтому я от тебя ухожу.

— А что скажут дети?

— Дети уже взрослые. Или ты так и не заметил, что они уже выросли? Ещё год-два и у них

свои дети будут. А я не хочу становиться просто бабушкой, я ещё молодая, полная сил, и мне хочется жить самой, а не с внуками нянчиться.

– Ну, если ты так решила... – подавленно сказал Владимир.

– Да, решила. Вот видишь, даже это известие тебя не вывело из состояния сомнамбулы. Ты круглые сутки поглощён своими мыслями. Для тебя не существует никого вокруг, кроме твоих таверн.

– Каверн, – снова поправил Владимир.

– Один чёрт! Ты мотаешься по этим самым бесконечным командировкам, потом сидишь как сыч в своей комнате, а мне, может, поговорить хочется, посоветоваться...

– О чём? – безучастно спросил Владимир. – О том, ставить или не ставить двойку Машеньке, как научить Вовочку запомнить таблицу умножения? Ты об этом щебечешь по телефону со своими подругами целыми вечерами.

– Щебечешь? Это часть моей жизни! – взорвалась Ирина.

– Так же, как мои каракули – смысл моей жизни.

– Ты что, серьёзно надеешься получить Нобелевскую премию за свои каверны?

– Я о Нобелевской премии не мечтаю. Я просто хочу понять природу явления, чтобы сэкономить для страны миллиарды рублей.

– Вот именно! О стране он думает! О миллиардах из бюджета, которые всё равно потом разворуют те, кто возле этих миллиардов сидит. А то, что дома тысячи лишней нет, тебя не волнует.

– Не в деньгах счастье, – невозмутимо вставил Владимир.

– Вот именно, не в деньгах, а в их количестве.

– Значит, у того мужчины они есть.

– Да уж, в отличие от тебя, не с голой задницей. И дом, и хорошая машина, и счета в банках.

– Мне остаётся только поздравить тебя с хорошей партией...

– Опять иронизируешь! Да, он в состоянии дать мне то, чего хочет любая женщина.

– Ну, допустим, далеко не любая мечтает только о тугом кошельке. Наверное, у кошелька ещё и какой-то интеллект должен быть, чтобы интересно поговорить.

– Поговорить? А ты помнишь, когда мы с тобой о чём-то говорили? Да и о чём с тобой говорить, коли ты, кроме этих своих каверн, ничем не интересуешься. Вспомни, когда мы с тобой последний раз куда-то ходили? Когда были в театре, в филармонии? Когда просто так вечером по парку прогуливались? Когда у нас гости были? Да когда они и приходят, ты норовишь улизнуть в свою комнату.

– Потому что мне не о чём разговаривать с твоими гостями, у которых тоже разговоры только про Вовочку да Машеньку.

– А ты сам-то когда последний раз брал в руки книгу? Нормальную, художественную, а не сборник статей по своей идиотской криологии.

– Просто мне сейчас не до художественной литературы.

– Тебе уже двадцать лет не до неё. Вся жизнь проходит где-то стороной, и ты её не замечаешь.

– А надо? Может, это своего рода психологическая защита?

– Вот и защищайся. А я уйду. Завтра увезу свои вещи, и не

волнуйся. Квартира остаётся тебе. Мебель мне тоже не нужна. Я начинаю жизнь с чистого листа.

– Желаю тебе счастья...

– Ну, до чего же ты бесчувственный! – снова взорвалась Ирина. – От него уходит жена, а он как ни в чём не бывало. Хотя бы для приличия скандал устроил, пощёчину влепил, обругал как...

– А зачем? Ты же всё уже решила. К чему эти сцены ревности, театральные реплики... Или мне по сценарию надо обязательно рвать на себе волосы и биться головой об стенку? Извини, не буду.

Владимир встал и пошёл в свою комнату, тихо прикрыл за собой дверь.

Ирина некоторое время сидела, потом упала ничком на диван и в голос заплакала. Выплакавшись, взяла со столика телефон, вышла на кухню, набрала номер:

– Ты можешь за мной заехать? Да, прямо сейчас. Потом всё объясню.

* * *

С новым мужем они познакомились, когда тот от лица своей многопрофильной фирмы дарил школе оборудование для оснащения класса технологии. Различные станки и оборудование уже были привезены и сложены в специально для этого возведённый пристрой, а на торжествах по случаю их передачи, чтобы ребята могли ещё в старших классах получать так востребованные теперь рабочие специальности, Ирину, как классного руководителя одного из десятых классов, директор попросила выступить с ответным словом. Вот тогда богатый спонсор и положил на неё глаз. Ухаживал он настойчиво, умело, был

обаятельным, галантным и быстро завоевал очерствевшее было сердце замужней матери взрослых детей. Это было похоже на сказку, на сон или мексиканский сериал, и она сдалась.

С того объяснения с мужем прошёл ровно год. За этот год Ирина так до конца и не смогла привыкнуть к новой жизни, к огромному загородному дому с обставленными дорогой мебелью комнатами, во многие из которых она заходила всего несколько раз, потому что уборкой занималась горничная Жозефина. Рождество они с мужем отмечали на Майорке, несколько раз на три-четыре дня летали на Мальдивы, Канары, в Доминикану, побывали в Непале. Это была сказка, о которой раньше она даже не могла мечтать, потому что это было выше её фантазий. В первые же дни совместной жизни муж присылал за ней машину с секретаршей, и та, знаток моды и дорогих бутиков, одевала и обувала Ирину, расплачиваясь золотой картой то ли корпоративной, то ли своего босса.

Через месяц совместной жизни, когда был оформлен развод и состоялась шикарная свадьба, когда Ирине оставалось всего ничего до возможности оформления пенсии по выслуге, во время ужина в ресторане, где они теперь питались каждый вечер, муж, внимательно посмотрев на её усталое лицо, неожиданно сказал:

– Милая, ты должна оставить свою школу. Хватит, поработала. Я хочу, чтобы ты жила только для себя, а не трепала нервы с чужими тупыми оболтусами и их неблагодарными родителями. Ну, сколько можно себя так изводить?

Увольнение из школы мой юрист оформит тебе с завтрашнего дня, и завтра же начнёшь ходить в фитнес-центр, на СПА-процедуры, в косметические салоны. Я хочу, чтобы ты выглядела бодро, весело и красиво.

– А такая я тебе не нравлюсь?

– Я тобой очарован, и потому не хочу, чтобы ты была похожа на загнанную лошадь.

– Спасибо за комплимент, – с нескрываемой обидой в голосе сказала Ирина.

– Милая, я не хотел тебя обидеть. Прости! Но я не могу видеть, как ты всецело отдаёшься этой неблагодарной работе. Я просто не хочу делить тебя с твоей профессией. Ты должна быть только моей. Те двадцать тысяч, или сколько там тебе платят, не стоят твоих невосстанавливаемых нервных клеток.

– Но мне же всего три месяца не хватает до пенсии по выслуге...

– И тебе начислят десять тысяч? Ты что, смеёшься надо мной? Тебе не хватает денег? Завтра я тебе оформлю безлимитную банковскую карту. Я не хочу иметь жену-пенсионерку, тем более что ты ещё очень молода. Я сам скоро пенсионером стану.

И неожиданно сменил тему разговора:

– Милая, мне сказали, что видели тебя в какой-то забегаловке с тремя женщинами.

– Ты что, следишь за мной?

– Упаси бог! Просто мой водитель проезжал мимо, когда вы оттуда выходили. Милая, ты не должна бывать в таких заведениях, это подрывает мой авторитет, сказывается на моём имидже. Ты ещё за покупками заявись в свой

секонд, где раньше одевалась. Вот это будет настоящий позор.

– Откуда ты знаешь, что я там одевалась?

– Милая! Ты же не думаешь, будто я ничего не понимаю в одежде, парфюме и косметике? Да твои поддельные духи за полторы тысячи у меня до сих пор не выветрились из памяти. Знаешь, я каждый раз подхожу к тебе и боюсь снова вдохнуть тот отвратительный запах.

– Если тебе так стыдно об этом вспоминать, почему ты меня пытаешься так унижить?

– Извини, я не хочу тебя унижать, просто у моей жены всё должно быть самым лучшим. Понимаешь? Самым лучшим! Мы не можем себе позволить ни малейших поводов для насмешек. Кстати, кто были эти женщины в той забегаловке?

– Это мои школьные подруги. В смысле, мои подруги, с которыми мы вместе работаем в школе.

– Милая, извини, что я вынужден тебе это говорить, но у тебя теперь должен быть другой круг общения.

– Мне с куклами из этого круга, у которых разговоры только на тему собственного превосходства, не интересно.

– Мне тоже не всегда всё интересно, но мы должны быть среди своего круга. Знаешь, в Штатах человек высшего света не может себе позволить зайти в макдональдс или выпить чашку кофе вместе с представителем другого сословия. Это дурной тон, и он осуждается. Ты можешь с ними общаться, но придётся выбирать время и место. Почему бы тебе не встречаться с ними, например, в

«Башне из слоновой кости»?

– Милый, ты издеваешься? Там чашка кофе стоит столько, сколько они за день не зарабатывают.

– А ты разве не можешь их угостить?

– Да, я могу на твои деньги угостить их один раз, но потом они будут чувствовать себя неловко и ни за что не согласятся пойти в другой раз.

– Не волнуйся. На халяву пойдут и во второй, и в третий...

– Мои подружки не из таких. Они сохранили чувство собственного достоинства и гордость.

– Ну, и дуры! Впрочем, в «Башне» они тоже не того круга и будут тебя только компрометировать в глазах завсегдатаев.

– Ещё скажи, в глазах официантов.

– Эти меня не волнуют. Это прислуга.

– Как Жозефина?

– Именно! Как Жозефина.

* * *

– Мадам, я всё сделала, – вывела Ирину из раздумий служанка – коренная москвичка с шоколадным цветом кожи, толстыми губами и курчавыми волосами – плод дружбы народов Московской летней Олимпиады. Её мать, провожая в Эфиопию своего африканского страстного любовника, плакала, наверное, такими же слезами, как улетающий в небо Олимпийский Мишка. – Можно я поеду домой?

– Да, конечно, Жозефина! – встрепенулась Ирина. – Конечно, конечно.

Когда за ушедшей домой служанкой – муж объяснил, что теперь в моде прислуга из Китая или Африки – закрылась входная дверь,

Ирина взяла пульт и включила телевизор. Как раз начиналась информационная программа. Ирина редко смотрела эти программы, в которых в последнее время обсуждались только события на Украине и в Соединённых Штатах да рассказывалось об очередной поездке Президента или его встречах с министрами и губернаторами, которые бодро докладывали о новых успехах в отрасли или регионе, но тут почему-то не стала переключать кнопки. Её не интересовали события в мире, телевизор был нужен просто как фон, чтобы не ощущать себя в огромном доме такой одинокой.

– Начнём выпуск с главной новости дня, – сказала ведущая. – Сегодня в Кремле Президент России вручил группе учёных и деятелей культуры и искусства государственные премии. Государственной премии в области науки и техники удостоена группа сибирских учёных за открытия в области криологии при строительстве промышленных и гражданских объектов за Полярным кругом. Первым высокую награду за открытие в этой области получает Владимир Помигалов.

Ирина встрепенулась. Знакомая фамилия, которую она носила более двадцати лет заставила отвлечься от раздумий и посмотреть на экран. По ковровой дорожке нерешительно шагал её бывший муж. На нём ладно сидел хорошо сшитый костюм, какого у Владимира никогда в жизни не бывало. Видимо, организаторы церемонии из администрации Президента успели заказать для новоиспечённого лауреата одежду в кремлёвском ателье, чтобы не выпускать

перед десятками телекамер человека в заношенном свитере, который он носил годами, сам меня на локтях кожаные нашлёпки, которые вырезал из голенищ её старых сапог.

В ответ на поздравление Президента Владимир что-то путанно говорил, что это результат его многолетней работы в составе целого коллектива, и что он очень рад, что эти исследования нашли применение и позволят сэкономить для бюджета страны многие миллиарды рублей при освоении Арктики. Благодарил Президента, своих коллег и строительную корпорацию, которая поверила в перспективность их разработок, потом хотел ещё что-то сказать, но смутился, замолчал и пошёл к своему месту.

Ирина дотянулась до телефона, нашла номер, по которому не звонила больше года, нажала кнопку вызова.

В трубке послышался звон посуды, возбуждённые голоса, громкая музыка.

– Алло! Я слушаю.

Ирина вспомнила, что Владимир без очков не видит на телефоне имени звонящего, наверняка сейчас ищет эти самые очки, которые то рассеянно суёт в карман брюк, то в нагрудный карман, то в боковой.

– Алло! Я слушаю. Кто это?

– Это я... Я тебя поздравляю. Ты действительно заслужил эту награду...

– Ира? Спасибо за поздравление! А ты как узнала?

– Только что видела по телевизору, как президент вручал тебе эту премию.

– Он вручал только лауреатский значок, а премию выдают потом. Да там, собственно и премия-то на всех совсем небольшая получается.

– Всё равно, ты её заслужил. Извини, что в тебя не верила!

– И ты извини, я не могу сейчас говорить, тут очень шумно.

– Я понимаю. Я сейчас детей обрадую. Пусть гордятся своим отцом.

– Ты сама-то как?

– У меня всё нормально... Не беспокойся... А ты как?

– Ты же видела по телевизору.

– Я в смысле личной жизни.

– Ты хочешь услышать, что я женился? Нет. Ты же сама говорила, что я не способен для семейной жизни.

– Извини! Я во многом была не права.

У Ирины к горлу подступил ком, она не в силах ещё что-либо говорить, нажала кнопку отбоя и зарыдала.